

СМЕНА ПАРАДИГМ СИСТЕМНОГО МЫШЛЕНИЯ И АНТРОПНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ПОНИМАНИЕ НЕРАВНОВЕСНЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

На рубеже XX–XXI столетий в контексте процессов глобализации актуализировалась проблема понимания существующих в наше время обществ (не только западных модерни) как неравновесных или неустойчивых социокультурных систем. Такие системы обладают не только стационарными состояниями, устойчиво находящимися в области их равновесия, но и множеством потенциальных состояний; их стационарные состояния могут отклоняться от равновесия, а когда эти отклонения достигают критических значений, то такие системы попадают в область неустойчивости, где возникают точки бифуркации и происходит выбор в пользу одного из потенциальных состояний, которое актуализируется, а система в целом переходит в новое, как правило, более дифференцированное устойчивое состояние или разрушается; это может зависеть от малых воздействий, в том числе исходящих от индивидов. Возникла потребность в новых подходах к осмыслению системного понимания обществ, их соотношения с индивидами. Ответы на эту потребность определились в теоретической социологии уже в 80-е годы XX века и положили начало продуктивному дискурсу, который сохраняет актуальность.

Теоретико-методологический перелом в социологии произошел синхронно со сменой парадигм в системном мышлении в целом. Выдающийся отечественный философ и методолог науки В.Н.Садовский внес значимый вклад в обоснование роли системного подхода в социологических исследованиях и в выявление факта смены системных парадигм. Мне довелось немало лет тесно сотрудничать с Вадимом Николаевичем (не только формально). Я рад возможности акцентировать названный его вклад, который не получил достаточного отражения в литературе. Одновременно это позволяет показать связь предложенного мною антропоно-деятельностного подхода, который я рассматриваю как антропоно-деятельностную интерпретацию классического социокультурного подхода, с охарактеризованной выше сменой парадигм системного мышления.

Системный подход и социология: их взаимосвязь, синхронная смена их парадигм

В 1965 г. вышел двухтомник «Социология в СССР»². Это было первое обобщающее издание, которое представляло теоретическую и эмпирическую социологию, возникшую в СССР к середине 60-х годов как бы из пепла – как птица Феникс. К тому времени в Советском Союзе уже было проведено несколько выдающихся социологических исследований, но не было суммирующего их представления в качестве самостоятельной области научного знания – социологии. Двухтомник демонстрировал реальные достижения в этой области: в нем были статьи Н.А.Аитова, Г.М.Андреевой, Б.А.Грушина,

² Социология в СССР: В 2 т. М., 1965.

А.Г.Здравомыслова, Л.Н.Когана, Н.Ф.Наумовой, В.С.Немчинова, В.Б.Ольшанского, Г.В.Осипова, Г.А.Пруденского, Б.Ц.Урланиса, С.Ф.Фролова, В.Н.Шубкина, В.А.Ядова и др.

В первом томе, в методологическом его разделе была помещена статья совсем молодого тогда В.Н.Садовского «Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы». И это не случайно: те, кто восстанавливали в СССР социологию как теоретическую и эмпирическую область знания, ясно сознавали необходимость ее опоры на системную методологию. Это позволяло, апеллируя к принципу системности Маркса, выйти за рамки постулатов научного коммунизма. Одновременно открывались возможности выхода на уровень мировой социологии того времени: системный подход коррелировал с методологией структурно-функционального анализа Т.Парсонса, Р.Мертон, А.Этциони и ряда других исследователей социальных систем.

«Сейчас уже с полной уверенностью можно сказать, – писал В.Н.Садовский, – что совершаемый современной наукой переход к анализу своих предметов как систем означает по сути дела важное преобразование научного знания, нашего понимания мира. Наряду с прогрессирующей дифференциацией и интеграцией знания, все более широким проникновением в естествознание и общественные науки методов математики и логики *системный подход принадлежит к числу основных особенностей науки середины XX в.*»³. Далее он охарактеризовал новые разработки в области системного анализа и дал свое определение понятия «система». Отметив, что в марксистской социологии уже поставлены и в некоторых аспектах решаются проблемы анализа общества как системы, он подчеркнул, что в эмпирических исследованиях это еще далеко не так. И заключил: «*системное исследование, все решительнее заявляющее о себе в современной науке, требует развернутого анализа проблем методологии систем.* Не выполнив этой задачи в ближайшее время, наука, в том числе социология, рискует утратить одно из важнейших условий своего прогрессивного движения»⁴.

Двухтомник «Социология в СССР» стал настольной книгой для большинства советских социологов того времени. А статья В.Н.Садовского, его позиция, включая определение системы, стали часто цитируемыми в отечественной социологической литературе. Добавлю, что важное значение для социологов имела также статья И.В.Блауберга и Э.Г.Юдина «Системный подход в социальных исследованиях», опубликованная в «Вопросах философии» (1967, № 9)⁵. В круг изданий, регулярно читаемых социологами, вошел и ежегодник «Системные исследования».

Авторы программ ряда крупных социологических проектов, подготовленных в 1968–1973 гг. в только что созданном Институте конкретных социальных исследований АН СССР (ныне Институт социологии РАН), про-

³ Садовский В.Н. Методологические проблемы исследования объектов, представляющих собой системы // Социология в СССР. Т. 1. М., 1965. С. 164.

⁴ Там же. С. 192.

⁵ В 1966–1967 гг. И.В.Блауберг работал в Отделе социологических исследований Института философии АН СССР, на базе которого в 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Я в то время также работал в этом отделе. Помню, что Игорь Владимирович Блауберг принимал активное участие в обсуждении методологических аспектов программ и результатов социологических исследований Отдела, в том числе матричного подхода к пониманию места предприятия в структуре общества. Это нашло отражение в идее «синтетических социальных моделей», которая выдвинута в упомянутой статье.

дуктивно использовали системную методологию. Образцом был генеральный проект «Функционирование общественного мнения в условиях города», реализованный под руководством Б.А.Грушина. Назову также генеральный проект «Социальная организация промышленного предприятия и пути повышения ее эффективности (Соотношение планируемых и спонтанных факторов)», 1968–1973 гг.⁶ Затем эта традиция была закреплена во ВНИИ системных исследований ГКНТ и АН СССР: первый в стране проект «Нововведения в организациях»⁷, 1978–1987 гг. Словом, системная традиция вошла в практику социологических исследований.

Вместе с тем, к 80-м годам среди части западноевропейских и американских социологов оформилось альтернативное течение, которое нередко называют антисистемным, но я не вижу достаточных оснований для этого. Оно стремилось найти новые подходы к решению фундаментальной проблемы соотношения общества и индивида (личности, человека). Эта проблема обострилась в контексте протестных движений молодежи в конце 60-х годов: студенческий марш 1968 г. в Париже и др. Стало очевидным, что молодые акторы, социализированные в либеральном обществе, не удовлетворены его социальной системой, которая стала бюрократизированной, малоподвижной, и желают преодолеть эти ее качества.

Постепенно, путем проб и ошибок, сообщество западноевропейских стран нащупало нетривиальный ответ на вызов времени: «национальные государства» стали снимать барьеры передвижению граждан, товаров и капиталов между этими странами. Затем вообще были упразднены границы между ними и развернулся комплексный процесс интеграции стран Европейского Союза. Возникли и стали набирать полномочия наднациональные органы управления в масштабе Евросоюза: Европарламент, Еврокомиссия и др. Население стран Евросоюза оказалось в новой ситуации: недовольные своим положением в родной стране свободно мигрируют в другие страны – временно или навсегда, как получится. Если человек не нашел правды в национальном суде, он может обратиться в Европейский суд. Словом, индивиды получили дополнительные возможности самореализации.

Вместе с тем, у растущего числа граждан стали возникать новые вопросы: к какому обществу я отношусь: например, к немецкому или французскому, если я сначала жил и работал в одной стране, затем – в другой, третьей и т. д.? В последние годы появились такие парадоксы: сначала Чехословакия распалась на Чехию и Словакию, возникли границы между этими «обществами»; недавно они оказались под общей крышей Евросоюза и границы опять исчезли; следует ли считать, что население, проживающее на территориях этих стран, дважды мигрировало из одного «общества» в другое? Или же прежние общества с их национальными государствами сохраняются, но возникает общеевропейское суперобщество, которое интегрирует их, т. е. возникает двухуровневый европейский *социум*?

Эти и другие события создали новую ситуацию в социальной теории, потребовали выработки новых взглядов на природу общества и его границы, на его соотношение с индивидом и с государством. Социологи стали исходить

⁶ Материалы проекта, которым руководил сначала Г.В.Осипов, а затем я, опубликованы лишь через 30 лет. См.: Социальная организация промышленного предприятия: соотношение планируемых и спонтанных процессов. Генеральный проект ИКСИ АН СССР (1968–1973). Первая публ. / Сост. и общ. ред. Н.И.Лапина. М., 2005.

⁷ Материалы проекта опубликованы в 1980–87 гг. в серии сборников ВНИИ системных исследований под названиями, близкими теме проекта, под ред. Н.И.Лапина, А.И.Пригожина, Б.В.Сазонова.

из факта кризиса той формы либерального общества, которая до 70-х годов существовала в наиболее развитых странах Западной Европы. Поскольку именно такое общество наиболее адекватно описывали структурно-функциональный анализ и другие концепции социальных систем, то теперь их престиж значительно снизился, стали модными пренебрежительные оценки всех системных концепций.

Как реагировали на это теоретически мыслящие социологи? Практически одновременно, в 1984 г. (магическая дата Оруэлла?) три социолога из разных стран, принадлежащие одному поколению, опубликовали труды, в которых предложили свои варианты определения ситуации в исследованиях социальных систем.

– *Ален Турен* (р. в 1925 г.), *Франция*: существующая социальная система себя дискредитировала; следует поставить в центр социологии не систему, а взаимозависимость системы и действующего лица, общественные движения, их культурные ориентации⁸.

– *Энтони Гидденс* (р. в 1926 г.), *Англия*: общество есть скорее кластеризация институтов, нежестко локализованных во времени и пространстве, а уровень их системности изменчив; социальные науки не в состоянии постичь универсальные тенденции социальных систем (все эволюционные концепции несостоятельны), но могут с пользой изучать значимость практического сознания людей, их рефлексивное поведение, непреднамеренные действия и непреднамеренные последствия преднамеренных действий⁹.

– *Никлас Луман* (1927–1998), *Германия*: несостоятельна как территориальная, так и «гуманистическая» концепция, включающая людей в общество; суть общества составляет система коммуникаций между людьми, а сами люди как целостные существа находятся в среде, окружающей общество как социальную систему¹⁰.

Как видим, в новой ситуации эти известные социологи не отрицали существования социальных систем, но констатировали кризис сложившихся форм этих систем и прежнего их понимания, а главное – предложили новые представления, соответствующие новому состоянию этих систем, новому статусу человека по отношению к ним, новым возможностям их познания¹¹. Названные авторы вполне ориентированы в современном системном мышлении; например, Н.Луман ссылаясь на подходы И.Пригожина, Х.Матураны и др. Но в то время еще не было данных для обобщающего анализа парадигм системного мышления на новом этапе развития науки и общества, начавшемся в 70–80-х годах.

Требовалась новая характеристика ситуации в системном мышлении, включая исследования социальных систем. Такую характеристику и дал В.Н.Садовский в работах об эволюции системного мышления, опубликованных в 90-х годах. Я имею в виду прежде всего его подытоживающую статью «Смена парадигм системного мышления». Она помещена в том выпуске ежегодника «Системные исследования» (1996 г.), который вышел после пятилетнего перерыва, вызванного распадом СССР и последовавшим общероссий-

⁸ Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998.

⁹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.

¹⁰ Luhmann N. Sociale Systeme. Suhrkamp Verlag, Frankfurt a/M., 1984; Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.

¹¹ Их представления, в свою очередь, встретили возражения со стороны радикальных критиков социальных систем. См., например, критику Н.Лумана в работе Ульриха Бека «Общество рисков» (Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt a/M., 1986).

ским кризисом. Переломные для страны процессы, естественно, стимулировали интерес исследователей к переломам в любых областях деятельности, включая смену парадигм в системном мышлении.

Опираясь на опыт системных исследований в различных областях науки XX века, В.Н.Садовский прежде всего показал наличие двух периодов в развитии этих исследований. Сознательно не удаляясь в глубь веков (к аристотелевскому «Целое больше суммы своих частей»), он обратился к ближайшему прошлому и заключил, что можно выделить четыре основных исторических источника современного системного мышления. Это:

– тектология, или «Всеобщая организационная наука», Александра Александровича Богданова (1913–1917);

– общая теория систем Людвиг фон Бергаланфи (1945);

– кибернетика Норберта Винера (1948);

– праксеология Тадеуша Котарбиньского (30–40-е годы).

Хотя исторически первым развернутым вариантом была «Тектология», каждая из четырех системных концепций возникла независимо от других; тем не менее всем им присуща глубокая теоретическая общность. Реальная же история системных исследований как влиятельной парадигмы научного мышления XX веке началась после Второй мировой войны. Для этой первой парадигмы системного мышления характерны, по убеждению В.Н.Садовского, два очень важных момента.

Первый заключается в том, что в отличие от классической термодинамики, которая имела дело только с закрытыми системами, кибернетику и общую теорию систем интересуют прежде всего более сложные, открытые системы. Но основные задачи их исследования понимались в рамках первой парадигмы системного мышления как поиски способов подвижного равновесия (в самом широком смысле) таких систем. На это были ориентированы и кибернетика Н.Винера, и общая теория систем Л.фон Бергаланфи, и математическая общая теория систем М.Месаровича, и системно-кибернетические концепции У.Р.Эшби, А.Раппопорта, К.Боулдинга и многих других.

Второй существенный момент этой ранней стадии В.Н.Садовский усматривает в понимании статуса системных исследований или системного мышления. Бергаланфи и его сторонники подчеркивали скорее теоретический характер общей теории систем, а другие усматривали в системном мышлении прежде всего мировоззренческо-методологическую составляющую. Вадим Николаевич напомнил, что в известной статье (Вопр. философии, 1960, № 8) он и В.А.Лекторский высказали ряд критических замечаний в адрес Бергаланфи, возразив против того, чтобы приписывать общей теории систем статус “*Mathesis universalis*”, но Бергаланфи в своем ответе подчеркивал скорее теоретический характер своей концепции.

В этой связи В.Н.Садовский счел необходимым отметить, что по вопросу о статусе системного мышления («мировоззрение-методология **или** теория») в начале 70-х годов имели место дискуссии между ним и его коллегами, близкими друзьями И.В.Блаубергом и Э.Г.Юдиным. «Прошло время, – грустно подытожил Вадим Николаевич, – полемическая запальчивость давно иссякла, сегодня я остался единственным живым участником этих споров – все это требует от меня спокойно оценить эту дискуссию и воздать должное моим коллегам.

Суть нашего спора состояла в различной оценке значимости, так сказать, мировоззренческо-методологической и собственно теоретической составляющих системного мышления. И мои коллеги, и я признавали наличие этих

составляющих, но при этом, если И.В.Блауберг и Э.Г.Юдин видели основной смысл системного движения в разработке системного мировоззрения и системной методологии, отрицая при этом возможность построения некоей единой общей теории (именно – теории) систем, то я явно недооценивал значение системного мировоззрения и высказывал убеждение в том, что общая теория систем может быть построена – как общая и как теория – прежде всего в форме системной метатеории. Время расставило все на свои места, и сегодня я готов признать большую правоту моих коллег. Полувековая история современных системных исследований действительно показала, что их главный вклад в науку, технику и практическую деятельность состоит во внедрении в эти сферы специфически системного мировоззрения и системной методологии. Естественно, что этот процесс сопровождался выдвиганием и разработкой различных системных теоретических моделей, каждая из которых, говоря словами Л. фон Берталанфи, суть “модели различных аспектов мира”. Что же касается собственно общей теории систем, то она, как и 20–25 лет тому назад, представляет собой лишь проект – в форме ли системной метатеории или в любом другом виде, причем проект, относительно которого сегодня трудно сказать и то, как его осуществлять, и даже то, возможно ли вообще такой проект реализовать»¹².

Такое признание имеет не только научный, но и высокий нравственный смысл. Не каждый решится на столь мужественный и ответственный шаг. Вадим Николаевич сполна выполнил долг перед своим пониманием правды и перед друзьями-единомышленниками, которые раньше ушли из жизни.

Тем более ценна его неколебимая убежденность в научной значимости и перспективности системного мышления как методологии научных исследований. Эта убежденность выразилась в утверждении, что *в 70–80-х годах XX в. начался новый период развития современных системных исследований – период формирования второй основной парадигмы системного мышления*. «Его главная отличительная особенность состоит в переходе от исследования условий равновесия систем к анализу неравновесных и необратимых состояний сложных и сверхсложных систем»¹³. Эти системы изменяются нелинейно, флуктуируют, а в области неустойчивости, в точках бифуркации, принципиально невозможно предсказать, в каком направлении пойдет их развитие.

Утверждение о начале второго периода В.Н.Садовский основывает на новых результатах научных исследований, которые получили широкую известность в 70–80-е годы. Он называет исследования А.А.Андропова по теории колебаний, А.Н.Колмогорова по проблемам передачи информации, Я.Г.Синая, В.И.Арнольда по неустойчивым динамическим системам, теорию катастроф Р.Тома, синергетику, теорию неустойчивых необратимых термодинамических систем И.Пригожина, теорию хаоса и аналогичные концепции. «Их основная цель – разработка теоретических и методологических средств понимания хаоса, необратимости, неустойчивости, неравновесности и порядка»¹⁴.

Кратко охарактеризовав особенности сложной и сверхсложной динамической системы как объекта современного системного исследования, В.Н.Садовский заключил: «Таким образом, сложная система, согласно современным системным представлениям, способна спонтанно порождать

¹² Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления // Системные исследования. Ежегодник. 1992–1994. М., 1996. С. 71.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 72.

порядок и организацию из беспорядка и хаоса в результате процесса самоорганизации, в котором важнейшую роль играет случайность. Естественно, что такие особенности поведения сложных систем потребовали их теоретического объяснения. Мы укажем на одно такое объяснение, предложенное в последнее время В.Н.Костюком, которое мне представляется весьма перспективным¹⁵. Далее В.Н.Садовский назвал еще ряд исследований, которые, по его оценке, характеризуют второй этап развития системных исследований: существенное продвижение в понимании специфики гносеологических и методологических особенностей системного подхода содержат исследования Р.Розена (1986), Г.А.Смирнова (1979–1983), Дж.Клира (1985); значительный прогресс достигнут в разработке Г.Паском *conversation theory* и Ст.Биром в построении метода «оценки жизнеспособности системы» (*viable system diagnosis*); широкий интерес вызвала предложенная П.Чеканом концепция *soft systems thinking* (1891). Попытку добиться нового уровня в понимании системной природы современных научных проблем предприняли Х.фон Фестер, Э.фон Глазерсфельд и Ст.Амплеби в выдвинутой ими концепции **First – and Second – Order Cybernetics (1979)**; **теория self-production systems (autopoiesis)** предложена Х.Матураной, Ф.Варелой, М.Зелены и другими (1975–1980); большой интерес у системного сообщества вызвали в 1973–1984 гг. исследования Б.Гейнса, В.А.Лефевра, Р.Траппла, Б.Банати и многих других¹⁶.

В заключение В.Н.Садовский высказал предположение об основной, с его точки зрения, линии развития системного мышления на рубеже XX–XXI веков: оно «обязано будет развиваться в направлении дальнейшей гуманизации, все большей приспособленности к решению социальных и человеческих проблем... В противном случае – поскольку не видно никаких других средств – человечество не сможет решить свои глобальные проблемы»¹⁷.

Глобализация, неравновесность социокультурных систем и антропо-деятельностное понимание их модернизации

Действительно, смена парадигм системного мышления объективно представляла собой методологический ответ на новые проблемы, выдвинутые *глобализацией* как процессом освоения *цивилизационного пространства*, которое становится информационно проницаемым в масштабе всего человечества и обретает новые качества, создает качественно новые, всечеловеческие *противоречия, стимулы и вызовы* для цивилизации нашего времени.

Первый, наиболее явный и комплексный вызов-противоречие – *глобальные проблемы*, которые угрожают самому существованию всего человечества и не могут быть решены ни одной отдельной страной, но требуют совместных усилий всех или большинства стран (Римский клуб).

Второй стимул-противоречие – предоставление каждой стране и каждому человеку *новых возможностей* во всех сферах жизни, прежде всего в сфере материального благополучия; но стремление реализовать эти возможности оборачивается обострением конкуренции и углублением неравенств

¹⁵ Садовский В.Н. Смена парадигм системного мышления. С. 73. В.Н.Садовский дал ссылку на кн.: Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. М., 1993. Добавлю: доктор экономических наук В.Н.Костюк работал в то время в отделе ИСА, которым руководил В.Н.Садовский.

¹⁶ Там же. С. 76.

¹⁷ Там же. С. 77.

между людьми и странами в этих сферах. Появляются процветающий «золотой миллиард» жителей планеты и многие миллиарды новых нищих, возникают общества всеобщего риска (У.Бек).

Третий стимул-противоречие – соблазны *свободы* каждого человека; но стремление обрести ее в социокультурных условиях многих стран трансформируется во вседозволенность элит и в социальную эксклюзию большинства населения (П.Абрахамсон).

Четвертый стимул-противоречие – соблазн *демократии* как наиболее привлекательного политического режима. Но уже борьба за ее утверждение сопровождается гибелью наиболее дееспособных слоев населения, а в случае утверждения ее функционирование ведет к росту бюрократии, окостенению и коррумпированию механизмов государственной власти и бизнеса, в том числе в развитых странах (М.Крозье).

Тем не менее мотивы новых возможностей благополучия, свободы и демократии манят все новые миллионы жителей отсталых стран в развитые, где иммигрантов и резидентов ожидает пятое, возможно, самое трагическое противоречие нового великого переселения народов: эмигрантов из менее развитых стран ожидает новая, инициативная самоколонизация в принимающих развитых странах, а народов-резидентов этих стран – депопуляция своего отечества, заполнение исторически освоенного ими социокультурного пространства иным населением, иным этнически и культурно, профессионально и квалификационно. Эти процессы на наших глазах развертываются в виде «креста потоков» мигрантов: с Юга на Север (из Ближнего Востока и Африки в Европу, из регионов Северного Кавказа в равнинную Россию) и с Востока на Запад (из Азиатской – в Европейскую Россию, из Восточной Европы – в Западную).

Совокупное действие глобальных стимулов-противоречий результируется также в формировании «цивилизации суровой истории», в которой оптимальным способом поведения становится молчание большинства (Н.Ф.Наумова), а выход из молчания выражается в майданизации площадей и улиц (т. е. в протестной массовизации пространств, доступных для публики), в террористических движениях.

Таким образом, глобализация сопровождается распространением неравновесности и нелинейности эволюции на большинство социокультурных систем (обществ) и на глобальную систему в целом: повышается проницаемость территориальных границ обществ, граждане обретают новые свободы, которые повышают их личностный паритет с обществом и одновременно создают новые противоречия с ним. *Происходит не утрата системных свойств обществ, а обретение существующими обществами и всей человеческой цивилизацией новых, нелинейных системных качеств, таких как неравновесность, неустойчивость.*

Уже звучат обоснованные ответы на эти противоречивые и опасные новые качества глобализирующегося мира.

– Развивать диалог культур, субцивилизаций и обществ (ЮНЕСКО).

– Странам Европейского Союза, переживающего многосторонний кризис, сконцентрироваться на защите достоинства человека как фундаментального основания всех его прав и свобод¹⁸.

– Мониторинг всемирной модернизации как комплексного цивилизационного процесса преодоления отсталости путем индустриализации и становления информационных обществ¹⁹.

¹⁸ Хабермас Ю. Эссе к конституции Европы. М., 2011.

¹⁹ Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Гл. ред. Хэ Чуаньци; Отв. ред. рус. изд. Н.И.Лапин. М., 2011.

– Развертывать исследования социокультурных систем в русле второй парадигмы системного мышления, развивать их в направлении дальнейшей гуманизации, все большей способности к решению социальных и человеческих проблем. «Речь, разумеется, не идет о создании некой “всеобъемлющей” социальной теории на базе системной методологии, – пояснял В.Н.Садовский. – Мы имеем в виду формирование новых междисциплинарных концепций и методов, ориентированных на решение множества вполне конкретных, актуальных для общества проблем, и для достижения этой цели объединяющих в своих рамках знания и опыт самых различных наук – от гуманитарных до технических – на методологической основе системного подхода... Одним из таких направлений, получивших развитие в последние 20–25 лет, несомненно, является социальная информатика»²⁰.

– На мой взгляд, в русле второй парадигмы системных исследований находится субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. Практической реализацией проекта служат деятельность «Клуба инновационного развития» на базе Института философии РАН, проект молодежного инкубатора инновационной элиты²¹.

– В русле второй парадигмы системных исследований я также предложил философско-социологический ответ: антропосоциетальный подход, или антропо-деятельностное понимание и регулирование неустойчивых социокультурных систем (возможно, и глобальной системы). Это понимание комплементарно названным выше ответам. Ниже я изложу его возможно кратко²². Практической его реализацией можно считать программу «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», в рамках которой, благодаря инициативному участию научных коллективов ведущих НИИ и университетов регионов, при поддержке ГНФ, проведены и продолжаются исследования по типовому инструментарию, подготовлены и создаются социокультурные портреты около 30 регионов – субъектов Российской Федерации; в последние годы исследования сосредоточены на проблемах социокультурной модернизации регионов и всей России²³.

²⁰ Келле В.В., Садовский В.Н. Системное мышление и системный подход: истоки и предпосылки социальной информатики // Социальная информатика: основания, методы, перспективы / Отв. ред. Н.И.Лапин. М., 2002. С. 25–26. В.Н.Садовский поддержал проект РФФИ «Социальная информатика: основания, методы, перспективы» и принял в нем активное участие. В рамках этого проекта он продолжил разработку концепции о двух парадигмах и перспективах системного мышления, акцентировав внимание на методологии «критического системного мышления» английских ученых Р.Флада и М.Джексона, а в более широком плане – на комплементарном использовании многомодельного подхода и ориентации на максимальное раскрытие человеческого потенциала, используя социальные идеи Ю.Хабермаса и возможности социальной информатики. Однако состояние здоровья не позволило Вадиму Николаевичу далеко продвинуть свои замыслы.

²¹ Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009.

²² Развернутое изложение антропосоциетального подхода содержится в книге: Лапин Н.И. Общая социология. М., 2006; 2-е изд. 2009. Гл. 2. Книга получила высокие оценки ведущих социологов страны (А.Г.Здравомыслова, О.И.Шкаратана, В.А.Ядова), которым я весьма признателен, и заняла первое место на конкурсе Российского общества социологов (2007) по номинации «Учебники и учебные пособия».

²³ Конкретные результаты исследований представлены в сборниках материалов девяти ежегодных Всероссийских научно-практических конференций участников Программы, которые проводятся на базе НИИ и университетов регионов. Обобщенная характеристика этих результатов содержится в коллективных монографиях: Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2009; Проблемы социокультурной модернизации регионов России / Сост. и общ. ред. Н.И.Лапина, Л.А.Беляевой. М., 2013.

– Есть и многие другие ответы. Предстоит основательная их систематизация.

Сказанное выше об исследованиях новых качеств цивилизации и обществ в условиях глобализации относится и к изучению свойств и качеств современного российского общества – как общих с западноевропейскими, азиатскими и другими обществами, так и особенных.

Быстрый распад СССР продемонстрировал ослабшую связь существовавших в нем этнически идентифицированных социокультурных сообществ (реальных обществ) с этаткратичной организацией советского общества. Образование независимой Российской Федерации, во-первых, актуализировало реальность различных социокультурных общностей, существовавших и в границах бывшей РСФСР. Если в Западной Европе наблюдается интеграция зрелых либеральных обществ в возникающий двухуровневый социум, то в России, напротив, произошла полуполитимная дифференциация существующих социокультурных сообществ в качестве полноправных субъектов двухуровневого российского социума. Вторая особенность состоит в том, что в России этот процесс совершается асимметрично, поскольку социокультурные административно-территориальные образования (субъекты РФ) с преобладанием русского этноса представляют собой не этноидентифицированные сообщества (в отличие от «титальных» национальных республик), а скорее диффузную среду для иноэтничного населения.

Все это сделало весьма актуальными исследования российского общества в русле второй парадигмы системного мышления. В 90-х годах я двигался в этом направлении от классического социокультурного подхода (М.Вебер, П.Сорокин), модифицированного элементами структурно-функционального анализа (Т.Парсонс)²⁴. В ходе дальнейшего изучения российской и европейской истории к началу «нулевых годов» сформировалась потребность в социетальном подходе как более широкой методологической ориентации, включающей социокультурный подход²⁵. К середине нулевых годов я предпринял антропно-деятельностную интерпретацию социокультурного подхода, модифицировав его в одновременно социально-философское и общесоциологическое понимание общества и человека в их взаимном соотношении.

Исходным служит глубокое прозрение П.Сорокина, его синтезирующий тезис: «личность, общество и культура как неразрывная триада»²⁶. В этом тезисе утверждается, что существуют три составляющие человеческого мира: личность, общество (социальность), культура. Они не выводятся одна из другой и не сводятся друг к другу, в этом смысле они паритетны; в то же время они неразрывно связаны, взаимопроникают.

Учитывая совокупность взглядов П.Сорокина, можно следующим образом интерпретировать термины приведенной триады. *Личность* – это действующий индивид, взаимодействующий с другими индивидами. *Культура* – совокупность способов и результатов действий и взаимодействий, в целом деятельности людей. *Общество* – прежде всего совокупность отношений между людьми в процессах их взаимодействий: как собственно социальных отношений, так и экономических, политических, идеологиче-

²⁴ См. *Лапин Н.И.* Статьи в «Вопросах философии»: 1992. № 12; 1996. № 5; 2000. № 6; монографию «Пути России: социокультурные трансформации». М., 2000.

²⁵ См.: *Лапин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СОЦИС. 2000. № 7; *Лапин Н.И.* Социетальная социология. Узловые проблемы и программа курса // СОЦИС. 2001. № 8.

²⁶ *Сорокин П.* Родовая структура социокультурных явлений // Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 218.

ских, нравственных, – это и есть *социальность, социальное*. В этом смысле понятно сопоставление общества и культуры, общества и индивида как терминов, однопорядковых социальному. Взаимосвязь социального и культуры образует *социокультурную систему*, а в единстве с деятельным человеком она представляет собой социетальную систему, или *общество* в широком смысле слова.

Этот подход опирается на совокупность принципов. Я выделил 5 его принципов, часть которых воспринял от социокультурного подхода. В данной статье я приведу лишь три принципа, специфичных для антропно-деятельностного понимания социокультурной системы.

(1) *Принцип противоречивости функций социального действия* основан на понимании человека как многомерного, био-социо-культурного существа, специфику которого составляет способность к творческой, продуктивной деятельности (Маркс). С многомерностью человека сопряжена его противоречивость, которая проявляется в противоречивости смыслов, значений действий одних субъектов для других, в существовании не только явных, но и латентных функций взаимодействий субъектов.

(2) *Принцип неполноты антропосоциетального соответствия* означает неполную совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как социализированного актора (личности) и характеристик социума, возможность их противостояния. Он имеет ключевое значение для понимания характера, типа общества и социума, служит глубинным источником саморазвития личности и общества. Время от времени такое противостояние достигает большой остроты. Как отметил А. Турен, во второй половине XX века на Западе «действующее лицо общества и само общество оказались противопоставлены друг другу вместо того, чтобы друг другу соответствовать»²⁷.

(3) *Принцип неустойчивости антропосоциетального равновесия* означает, что разнонаправленность действий социальных акторов и ограниченность ресурсов не позволяют обеспечить устойчиво балансируемое удовлетворение потребностей, интересов, ценностей людей, взаимодействие которых образует это общество. Лишь на короткое время достигается «баланс между заинтересованностями акторов в увеличении своего удовлетворения и в минимизации отсутствия удовлетворения»²⁸. Чаше наблюдается удаление от точки равновесия, создающее ситуации рисков, а если это удаление превышает критические значения, то целое оказывается в области неустойчивости, в которой образуются точки бифуркации, где осуществляется случайный выбор в пользу актуализации иного, потенциального состояния, а система трансформируется в качественно новое состояние или разрушается.

Таким образом, *ОБЛАСТЬ НЕУСТОЙЧИВОСТИ социокультурной системы, где возникают точки бифуркации ее векторов, образуется, когда удовлетворенность акторов меньше их неудовлетворенности*. А это случается нередко.

Приведенные принципы имеют прямое отношение к пониманию современной России и поведения ее элит и населения. Но при их применении следует учитывать объективно двойственное ее положение в цивилизационном пространстве. С одной стороны, геополитически Россия – евразийская страна, расположенная на двух континентах. С другой стороны, социокультурно это преимущественно европейское сообщество. При этом оно все заметнее

²⁷ Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998. С. 7.

²⁸ Парсонс Т. Ценности, мотивы и системы действия // О структуре социального действия. М., 2000. С. 434.

движется навстречу отмеченному выше драматическому противоречию – перекрестку двух потоков переселения народов: с Юга на Север и с Востока на Запад. Пока это лишь потенциально опасное состояние, но через несколько десятилетий оно может актуализироваться в трагически реальное. Первым его эпицентром станет не Азиатская, но Европейская Россия. Ставропольский край и регионы Южного федерального округа Российской Федерации уже активно вовлечены в эти потоки эмиграции, вытесняющие славянский этнос. Исторический центр Европейской России (Москва) уже обретает черты бурлящего котла переселения народов. Тем временем, старинные малые города центральной России (например, город Белёв в Тульской области²⁹) теряют производства и население, разрушаются, образуя открытые пространства для иммигрантов. Если эта стихия продолжится, то вскоре она станет катастрофической реальностью для жителей многих регионов Центрального федерального округа РФ.

Какие же могут быть мотивы и сценарии развития, позволяющего избежать грозящей катастрофы и обеспечить благоприятные условия жизни существующего этнокультурного состава населения Европейского Центра и всей России? Поиск ответов на этот вопрос можно считать *социокультурной миссией* тех российских специалистов, которые придерживаются второй парадигмы системного мышления и ориентированы на исследование актуальных проблем своей страны.

К настоящему времени для многих россиян позитивными ориентирами состояния условий жизни и ряда других социокультурных параметров служат среднеевропейские стандарты (индексы), достигнутые на основе второй, информационной стадии модернизации³⁰. Для квалифицированных слоев россиян эти ориентиры служат мотивами эмиграции в западные страны, но если государство сделает их ориентирами развития России, то они вполне могут стать стимулами преобразования своей страны, модернизации условий и качества своей жизни.

Какая же имеется дистанция между российскими и среднеевропейскими индексами социокультурного благополучия населения в контексте модернизации? Европейское социальное исследование, в котором участвует автор настоящей статьи, позволяет фиксировать средние индексы относительного благополучия населения основных групп стран. Например, в 2006 году: 1) страны, начинающие модернизацию (Болгария, Украина, Россия), имели средний для этих стран индекс = 1,6; 2) страны, экстенсивно осуществляющие модернизацию (Латвия, Польша, Эстония), имели индекс = 2,7; 3) модернизационно развитые, но социокультурно среднеэффективные страны (Англия, Германия, Франция) имели индекс = 3,7; 4) высокоэффективные страны (Дания, Швейцария, Швеция) – 4,6. Россия имела индивидуальный индекс = 1,7, т. е. отставала от названных прибалтийских стран в 1,6 раза, от развитых среднеэффективных – в 2,2 раза, а от высокоэффективных – в 2,7 раза.

В 2000–2010 годах в России наблюдался сначала медленный инерционный рост числа регионов, повышающих состояние социоэкономической (не социокультурной) модернизованности, но с 2008 г. и этот рост прекра-

²⁹ См.: Богданов В.С. Город Белёв: исследование визуальной среды // Вестн. ин-та социологии РАН. 2013. № 7. Сайт ИС РАН. Впрочем, в этом же номере «Вестника ИС» продемонстрированы и благополучные случаи: города Плёс, Шуя Ивановской области.

³⁰ Вопреки распространенным среди гуманитариев представлениям, в современной модернизации участвуют не только отсталые, но и развитые западные страны: завершив индустриальную стадию модернизации, они лидируют и на второй, информационной ее стадии, которая обеспечивает им большую часть ВВП (40 % и больше).

тился. Если в 2014–2015 годах «нулевой рост» сменится тоже инерционно-медленным, но негативным (такая динамика уже наблюдается в некоторых регионах), то к 2030–2035 гг. Россия окажется внизу среднеразвитых стран мира; станут трудно терпимыми социокультурные контрасты между 3–6 высокоразвитыми и 40–50 отстающими регионами, а около 30 средних регионов будут стагнировать. По показателям социокультурного благополучия отставание от большинства стран Европы увеличится до 5–10 раз. Ускорится эмиграция квалифицированных страт россиян в другие страны и иммиграция малоквалифицированных групп из Китая и стран мусульманского мира, т. е. интенсифицируется качественное изменение этнокультурного состава населения страны.

Какие же *основные факторы* тормозят инновационно-модернизационное развитие России и ставят под вопрос ее историческое будущее? Их можно свести к двум. Первый, определяющий фактор является результатом незавершенности постсоветской трансформации России: коррупциогенная приватизация природных ресурсов и крупнейших промышленных комплексов привела к утверждению олигархо-бюрократического капитализма с компрадорской доминантой, обслуживающей интересы глобального бизнеса и препятствующей инвестированию доходов в инновационное развитие России. Вторым основным фактором служит фундаменталистско-либеральная экономическая политика правительства, которая стала главным условием длительного сохранения первого фактора.

Таким образом, первостепенное значение имеют две задачи. Во-первых, ориентировать экономическую и общую политику правительства на достижение стратегической национальной цели – действительно комплексной модернизации России. Во-вторых, завершить трансформацию российского общества в социокультурно сбалансированное, заблокировав компрадорскую доминанту капиталов и направив основные доходы на интенсивное осуществление комплексной модернизации страны и заинтересовав в этом большинство трудоспособного населения страны.

Если законодательная и исполнительная власти действительно будут ориентировать развитие экономики на достижение в ближайшие 10–20 лет среднеевропейских стандартов качества жизни, то такая ориентация станет реальным стимулом действий большинства экономически активного населения России, способствующих осуществлению *комплексной модернизации всей страны как основного способа преодоления отсталости и повышения качества жизни населения всех регионов до среднеевропейских стандартов*. Материальную основу модернизации составляет утверждение новых технологических укладов как основных источников ВВП, а социокультурной ее составляющей служит многообразная деятельность человека, социальных субъектов. Конструктивное ядро модернизации образуют инновации – технико-технологические, продуктные, институциональные и иные. Они и должны составить основу реиндустриализации материального производства и информатизации всей жизнедеятельности общества, основанной на приращении знаний и их использовании в экономике и других сферах жизни. Успех модернизации, ее устойчивость во многом зависят от сбалансированности материальной и социокультурной ее компонент.

Переход к решению задач модернизации возможен, поскольку из-за незавершенности трансформации возникшая в России социокультурная система является неравновесной и может войти в область неустойчивости, если удовлетворенность акторов станет меньше их неудовлетворенности. В пост-

советской России баланс этого соотношения уже неоднократно нарушался. Следовательно, он вновь может быть нарушен. Тем более, что в большинстве регионов и стране в целом наблюдается высокая несбалансированность основных составляющих модернизации.

Практические выводы

В заключение рискну сделать несколько практических выводов, адресованных специалистам в области общественных наук (гуманитарных и социально-экономических) и системных исследований.

В настоящее время отсутствует не только программа модернизации России, подготовка которой является компетенцией Правительства, но и концепция и общая стратегия модернизации, разработка которых должна стать прежде всего *делом научного сообщества страны*.

Не пытаясь предвосхитить результаты этого большого дела, на основе предварительных расчетов могу предположить, что если лишь в 2–2,5 раза увеличить тот темп повышения модернизированности регионов, который имел место в первой половине нулевых годов, а также осуществлять координированную, поэтапную модернизацию, с учетом ее стадий и состояний модернизированности регионов, то в исторически приемлемые сроки (к середине 30-х годов нашего столетия) почти все российские регионы на 100 % осуществят индустриальную модернизацию, а более 85 % регионов в широком масштабе развернут информационную модернизацию и заметно приблизят качество жизни населения к среднеевропейским стандартам. В итоге региональные сообщества обретут качество действительных субъектов развития своего человеческого потенциала, возникнет комплексная модернизированность как новое цивилизационное качество российского общества. Россия утвердится в составе развитых стран мира, повысит свою привлекательность в Европе и Азии.

От российских ученых, членов РАН и сотрудников институтов любого ведомства требуется: создать и в 2014–2016 гг. осуществить исследовательскую программу «Разработка концепции и стратегии поэтапной комплексной модернизации российского общества». Предпосылки такой программы имеются в виде результатов, полученных при реализации ряда программ фундаментальных исследований Президиума РАН. Назову лишь одну из них, о результатах которой я знаю, потому что участвую в ней: программа № 31 «Роль пространства в модернизации России: природный и социально-экономический потенциал» (руководитель – академик В.М.Котляков). Имеются и другие серьезные разработки. Например, итоговый документ Московского экономического форума (МГУ, март 2013 г.): «Экономика для человека – социально ориентированное развитие на основе реального сектора»³¹.

Промежуточные и итоговые результаты предложенной научной Программы должны обсуждаться в СМИ, сети Интернет, общественных палатах, в ведущих университетах, НИИ и на других публичных площадках в центре и регионах³². Вокруг идей и проектов Программы может возникнуть сеть сообществ «За модернизацию России», которая станет фактором, влияющим на обоснованный выбор в судьбоносной для России точке бифуркации.

³¹ См.: Мир перемен. 2013. № 3.

³² В Институте философии начинает работать междисциплинарный семинар «Проблемы формирования концепции и стратегии поэтапной модернизации российского общества». Приглашаются заинтересованные специалисты.